

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ / HISTORY OF PHILOSOPHY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.95>

ДВА МЫСЛИТЕЛЯ: В.В. РОЗАНОВ И П.А. ФЛОРЕНСКИЙ

Научная статья

Бабаева А.В.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-7798-0180;

¹ Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (annabab1[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье предлагается анализ взаимоотношений двух ярких фигур русской философской мысли начала XX века – П.А. Флоренского и В.В. Розанова. Использование эпистолярных источников и философских трудов позволяет показать особенности дружбы таких разных мыслителей. Феномен дружбы В.В. Розанова и П.А. Флоренского привлекал как современников, так и последующих исследователей жизни и творчества философов. В этих отношениях видели сходство мыслей и оценок происходящим событиям, «женственность» двух мыслителей, даже гомосексуальные мотивы. Но среди множества мнений и взглядов по-прежнему остается что-то по-розановски выходящее за рамки традиционных ожиданий и представлений. Автор стремится расставить свои акценты, демонстрируя как сходства, так и различия между двумя яркими мыслителями начала XX века.

Ключевые слова: серебряный век, мировоззрение, философия, дружба, П. А. Флоренский, В.В. Розанов.

TWO THINKERS: V.V. ROZANOV AND P.A. FLORENSKY

Research article

Babaeva A.V.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-7798-0180;

¹ Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation

* Corresponding author (annabab1[at]yandex.ru)

Abstract

The article offers an analysis of the relationship between the two prominent figures of Russian philosophical thought of the early twentieth century – P.A. Florensky and V.V. Rozanov. The use of epistolary sources and philosophical works allows to show the specifics of the friendship of such different thinkers. The phenomenon of friendship attracted both contemporaries and subsequent scholars of the lives and works of philosophers. This relationship was seen in the similarity of thoughts and evaluations of current events, the "femininity" of the two thinkers, even homosexual motives. But among the multitude of opinions and views, there is still something in a Rozanovian way beyond the traditional expectations and perceptions. The author aims to set his emphases, demonstrating both the similarities and differences between the two bright thinkers of the early twentieth century.

Keywords: Silver Age, worldview, philosophy, friendship, P. A. Florensky, V. V. Rozanov.

Введение

Русского человека всегда привлекали личные отношения, повседневные дела знаменитых личностей. Возможно в этом проявляется наше стремление «приблизить», сделать более «доступными» тех, кто оказался «вознесен» так высоко признанием людей. Это стремление поддерживается существованием музеев и музейных экспозиций, посещая которые мы видим быт, который окружал, снимая таинственный покров со знаменитого человека.

Среди множества имен, в перечне русских мыслителей, находятся те, о которых наиболее часто вспоминают в кризисные периоды. Кризис мировоззрения, разрушение традиций и «ломки» ценностно-нормативных систем – все это реалии не только начала XX века, но и его конца.

Весь XX век – это время потерь классических представлений о мире и человеке. Человек постепенно, сам того не замечая, утратил четкие ориентиры между добром и злом, разрешенным и запрещенным, разочаровался в гуманистических и антропологических ценностях. Трансформации, динамизм общественного развития, культ индивидуальной свободы и т.д. изменили все онтологические, гносеологические и антропологические представления. Неслучайно вся философия XX века утверждала идею «смерти», «разрушения», «уничтожения» традиционной человеческой реальности. Утвердившийся принцип подвижности, когда возможно сосуществование противоречивых норм, отразил человеческую растерянность, неподготовленность принять этот «лучший из миров».

Но ощущение приближения нового катастрофического времени мы встречаем и в начале XX века. Если обратиться к русским философам того периода времени, мемуарной литературе, то мы видим ощущение трагичности существования, разрушения всех привычных ориентиров и ценностей. Пытаясь осмыслить это время, Н.А. Бердяев позже писал: «Никогда еще не были так сильны у нас всякого рода прельщения и смешения...Русскими душами овладели предчувствия надвигающихся катастроф. Поэты видели не только грядущие зори, но и что-то страшное, надвигающееся на Россию и мир...Религиозные философы прониклись апокалипсическими настроениями. Пророчества о близящемся конце мира, может быть, реально означали не приближение конца мира, а приближение конца старой императорской России...Ничего устойчивого более не было» [1, С. 17]. В этом же произведении Н.А. Бердяев характеризовал эпоху «серебряного века» русским культурным ренессансом. Причем ренессанс понимался

как тоска по мировой культуре. В этот период вновь ярко проявилось чувство, что русское общество оказалось «на задворках» мирового цивилизационного процесса. С особой остротой был поставлен вопрос: «куда идти и что искать?».

Основные результаты

Начало XX века, то время, которое, с легкой руки Н.А. Бердяева, получило название «серебряный век» – противоречивое время в русской истории. В эти годы Россия пережила поражение в русско-японской войне, потрясения первой русской революции, экономический взлет, который сопровождался ослаблением политической системы, культурный взлет и разочарование во многих ценностях, В это время мы видим сочетание, на первый взгляд несовместимых идей: воинствующий атеизм и ренессанс православия; универсализм, воплотившийся в идеях космизма и развитый эгоцентризм. «Серебряный век» – это время взаимосвязи философии и художественного творчества, религиозных поисков и мистических откровений.

Оценивая эпоху «серебряного века» Д.С. Мережковский писал: «Наше время должно определить двумя противоположными чертами – это время самого крайнего материализма и вместе с тем самых страстных идеальных порывов духа. Мы присутствуем при великой, многозначительной борьбе двух взглядов на жизнь, двух диаметрально противоположных мирозерцаний. Последние требования религиозного чувства сталкиваются с последними выводами опытных знаний» [3, С. 114].

Такое состояние борьбы нового и старого, поиска иного взгляда на окружающий мир не могло не отразиться в философских воззрениях. Эпоха «серебряного века» – время множества ярких мыслителей в русском обществе. И среди множества имен, особое место занимает имя В.В. Розанова.

Его творчество – вызов, который заставлял современников обходить либо молчанием, либо выступать с резкой критикой. Причем все и молчаливые, и критикующие отмечали, что он обладал «магией слова». Он – феномен, среди множества ярких имен «серебряного века». Его мысль антиномична, его наследие не поддается систематизации, т.к. его произведения выходят, а вернее, ломают логические правила. «Гениальность его сплошь да рядом переходит в тривиальность, мудрость — в первобытную наивность, высокая художественность — в почти непереносимую грубость. И к этой внутренней сложности и романтической несоразмерности мыслей присоединяется еще необыкновенный, присущий одному Розанову стиль» [2, Т. 2, С. 4]. Все работы В.В. Розанова эмоционально насыщены, в них сняты расстояния между написанным и переживаемым. Чтение розановских произведений – головокружительный трюк, захватывающий человека, вызывающий не только восхищение, но иногда чувство безразличия. Неслучайно современники называли его «Иудушкой Головлевым», «Во Хаме юродивым», иногда просто «юродивым». Существовала и другая градация оценки творчества В.В. Розанова. Так, Н.А. Бердяев называл его «самым большим даром в русской прозе»; Д.С. Мережковский – «русским Ницше»; З.Н. Гиппиус – «явлением, нежели человеком, собственным законам подвластное и живущее в среде людской» [2].

Особенность розановского письма, его философских размышлений связана со всем образом его жизни. Он всегда считал себя представителем «маленьких людей», говорящих от имени обывательской жизни, «во мне бунтует «тихий», «незаметный», «ничто» [2, Т.1, С. 37].

Многие исследователи отмечают, что сам образ жизни Розанова – это и есть его тексты. Можно посмотреть иначе, его тексты реализовывались в его жизни.

Среди множества явлений в жизни В.В. Розанова есть одно, которое привлекало, привлекает, да и будет привлекать исследователей. Необычность этого человека проявилась и в его дружбе с тем, которого называли «Русский Леонардо да Винчи», «Ломоносов XX века». Оппоненты и противники – «мистификатор», «стилизатор».

П.А. Флоренский и В.В. Розанов – два имени, между которыми на первый взгляд не должно быть никаких «точек соприкосновения» Один был – отцом Павлом, другой называл себя странником, дураком, иным, а вместе с тем они дружили. Об этой дружбе написано многими. Этот феномен, как уже говорилось, привлекал как современников, так и последующих исследователей жизни и творчества В.В. Розанова, и П.А. Флоренского. В своем большинстве исследователи искали сходство между П.А. Флоренским и В.В. Розановым. И в этом поиске мы видим целую палитру красок: начиная от «женственности в натуре». Как, например, отмечал Н.А. Бердяев: «Он совершенно лишен всякой мужественности духа, всякой активной силы сопротивления стихиям ветра, всякой внутренней свободы... Розанов — гениальная русская баба, мистическая баба» [2, Т.2, С. 42, 43]. Оценка П.А. Флоренского также включала в себя акцент на женственность в его облике и сущности, заканчивая гомосексуальными мотивами в отношении не только между В.В. Розановым и П.А. Флоренским, но и их отношении к другим.

Многие розановеды считают, что отец Павел выступал духовным наставником, и ему удалось то, что не удалось старцу Варсонофию в отношении Льва Толстого.

Среди множества мнений и представлений остается что-то по-розановски выходящее за рамки традиционных ожиданий и представлений.

Традиционно историю этой дружбы начинают с 1903 года, когда П.А. Флоренский прочитал статью В.В. Розанова и написал ему письмо. В.В. Розанов ответил на него. Затем молчание в течение пяти лет. После такого длительного не общения, в 1908 году В.В. Розанов пишет письмо П.А. Флоренскому. Причиной стало знакомство В.В. с работой П.А. «Столп и утверждение истины», которую Розанов оценил как «густую книгу». После этого письма завязывается длительная переписка. Переписка с 1908 по 1917 годы показывает, насколько высоко ценил В.В. Розанов человеческие качества и качества мыслителя в отце Павле. Причем со стороны В.В. Розанова дружба переходила в восхищение. Именно В.В. Розанов, будучи на 26 лет старше, считал отца Павла источником жизни.

Во многом можно согласиться с исследователями, которые искали и находили сходство во взглядах В.В. Розанова и отца Павла. Действительно можно отметить их общие представления и схожие оценки реальности, и одинаковые взгляды на роль евреев в культуре и т.д.

Среди множества выделенных исследователями «точек соприкосновения», хотелось бы обратиться к тем, в которых мы можем увидеть, как сходство, так и различие. Постараемся оценить эту дружбу с точки зрения розановского взгляда на мир, как на антиномичный процесс. Причем вопросы антиномий их роль в развитии мира, культуры, человека – проблема, которая очень остро стояла перед русскими мыслителями начала XX века. В этом отразилось традиционное русское «искание» пути развития: Запад или Восток; Бог или Антихрист. В эпоху «серебряного века» в рамках православной мысли антиномии воспринимались как неприемлемое явление, выступающее против истинного смысла нравственных законов. «Антиномизм есть не нарушение закона, каким бывает всякий грех, а доктрина, стремящаяся оправдать это нарушение закона или беззаконие во имя других будто бы высших принципов» [13, С. 69.]

П.А. Флоренский, как русский православный мыслитель, ставил вопрос о принципах разрешения существующих в русской культуре антиномий. Он соотносил антиномии к реальной действительности, считая, что в горнем мире их нет и быть не может. «Есть два мира, и мир этот весь рассыпается в противоречиях, если только не живет силами того мира... Антиномии раскалывают все наше существо, всю тварную жизнь. Всюду и всегда – противоречия. И, напротив, в вере преобладающей антиномии сознания... обретается каменное убеждение, от которого можно работать на преодоление антиномий действительности» [12, С. 84].

В представлениях В.В. Розанова мы встречаем не просто взгляд на антиномии, но все его творчество – антиномично по своей сути. На любое явление, проблему В.В. Розанов старался смотреть не только с двух, но со множества сторон. Колебания, противоречия он считал основой жизни, тем принципом на котором держится живая реальность. «Тот, которым цветет все, и все – живет. Наступи-ка на устойчивость – и мир закаменел бы, заледенел» [7]. Смысл мира не в вечности, а в мгновениях, которые в реальности всегда противоречивы. «Вечное - в мгновениях Вечное именно — не века, не времена, не общее, а «сейчас» Их и записывай, - как самое важное, что вообще увидел в жизни» [9, С. 33].

Но в этих противоречивых взглядах В.В. Розанов и П.А. Флоренский «совпадали» в своей оценке истины. В.В. полагал, что благодаря существованию антиномичного мира человек может познать истину. Поскольку розановская истина не Абсолют, а в противоречиях. «Истина - в противоречиях. Истины о нет в тезисах, даже если бы для составления их собрать всех мудрецов» [9, Т. 30, С. 191].

П. А. Флоренский в качестве отправного момента в поисках истины признает онтологическую антиномичность мира. Антиномии выступают примером кривизны пространства т.е. соединение в одной точке противоположных значений: «...все пространства мы можем представить себе двойным, составленным из действительных и из совпадающих с ними мнимых...» [10, С. 51]. Существующая мнимость дает возможность увидеть другую сторону поверхности, иную действительность. Через «разломы» в пространстве возможен переход в «Иное». Именно мнимость, по мнению П.А. Флоренского, способна вывести познание человека на уровень сверх эмпирического восприятия.

Еще одной «точкой соприкосновения/различия» можно считать особое отношение к христианству. И у В.В. Розанова и у П.А. Флоренского это восприятие выражалось в особом взгляде на мир, где все со всем связано. Все что окружает человека, как подчеркивал П.А. Флоренский, взаимосвязано между собой. Разнообразные взаимосвязи формируют особые миры, в которые погружается человек. «Все связано тайными узлами между собой, все дышит вместе друг с другом... Энергии вещей втекают в другие вещи, и каждая живет во всех, и все – в каждой...» [11, С. 12].

Контрастная личность В.В. Розанова проявилась и в его отношении к христианству. В своих трудах он противопоставил Ветхий и Новый Завет, критиковал традиционное византийское толкование Евангелия. В.В. Розанов считал представителем религиозного натурализма. Но и здесь, я думаю, все было сложнее. Мятежный дух ставил вопросы, выходящие за все рамки. «Апокалипсис нашего времени», как подведение итога всей жизни, книга в которой В.В. Розанов бросает вызов христианству, обвинение его в том, что оно бессильно. Христианство – не бытийно, т.е. ничего не может дать человеку в этом мире. Это религия без мира, без радости и счастья. «Христианство не космологично, на нем трава не растет...само по себе и одно – христианство проваливается, гнило, голодает» [5, С. 38]. Здесь В.В. Розанов повторяет мысль Ф. Ницше о ресентиментном основании христианства, которое отвергает жизнь во всей ее полноте. «Бессилие христианства устроить жизнь человеческую, - дать «земную жизнь» [5, С. 34]. И как результат – социализм, который создается христианством. Социализм, в котором, как и в христианстве отрицается «маленький человек» и его маленькие радости, из которых, по мнению В.В. Розанова, состоит сама жизнь. «Как ужасно. И еще ужаснее любить все это. Стоню и люблю, стоню и люблю. Привычка, традиция» [5, С. 86]. И эта привычка, традиция, реализовалась в конкретном поступке В. В. Розанова - в православном покаянии перед своей смертью.

Исследователи отмечают еще одно важное совпадение – любовь к Родине. Они не мыслили себя вне России. Да, осуждали, не принимали, проклинали, но... оставались в России.

Еще одну «точку пересечения» можно увидеть в особенностях философствования как В.В. Розанова, так и отца Павла. Оба использовали не классический академический стиль, а строили рассуждения либо в виде эпистолярного жанра, либо интимной прозы, где соединялись факты и образы. Не случайно В.В. Розанов писал, что «Мы, русские, имеем две формы выражения философских интересов: официальную, по службе, т.е. должностную. Это – «философия» наших университетских кафедр. И мы имеем как бы философское сектанство: темные, бродящие философские искания... Вторая ветвь нашей философии, не имея научного «декорума» в высшей степени полна «жизненного пороха», этой взрывчатости, самогорения, порыва мысли» [9, С. 149].

Но были в отношениях между этими двумя необычными людьми и серьезные разногласия. В.В. Розанов писал в «Мимолетном»: «Я его не совсем понимаю. ... Вообще мы связываемся не на «веселом», а на «грустном», и это есть. Во многих отношениях мы противоположны с ним, но обширной натурой и умом он умеет любить, и вникать, и дружить с «противоположным» [8]. В.В. Розанов видел самое главное отличие отца Павла в том, что «он –

правильный». А это невозможно, т.к. сама жизнь, реальная жизнь не может быть правильной. В.В. Розанов всегда отмечал, что в ней множество изломов, поворотов, непредсказуемости. И это создает настоящую реальность, которая и есть Бытие. «Правильного Бытия» нет и быть не может, а следовательно, не может быть и правильной человеческой жизни.

В. В. Розанов иногда оценивал отца Павла как высокомерного, сухого, догматического церковника. Для В.В. Розанова многие мысли и идеи отца Павла «были парадоксальными» [7, С. 306]. И вместе с тем, В.В. восхищался отцом Павлом. В этом можно увидеть стремление принять «Другого» не на словах, а в реальных взаимоотношениях. Показателем этого можно считать убеждение Василия Васильевича, что они «с Павлом Александровичем могли бы отлично прожить всю жизнь бок о бок <...> взаимно угощаясь ухой и под вечер предаваясь философским идеям и даже философским тревогам» [8]. Тем более, что представление о философии как прибежище тишины, однозначно разделял и П.А. Флоренский.

А кем мог быть В.В. Розанов для отца Павла? Ответ на этот вопрос дан многими исследователями. Причем можно выделить две группы исследователей, каждая из которых по-своему, отвечала на этот вопрос. К первой группе можно отнести православных мыслителей современности. Среди которых особое место занимает внук отца Павла игумен Андроник (Трубачев). Родственная связь позволяет ему использовать богатейший семейный архив. В их оценке отец Павел пытался вернуть блуждающую в потемках душу Розанова в лоно церкви.

Идея «христианского спасения» В.В. Розанова присутствует и в оценке филологов, философов и историков, изучающих жизнь и деятельность П.А. Флоренского и В.В. Розанова. Кроме того, мы встречаем представление, что В.В. Розанов был сосредоточием абсолютного начала жизни. Возможно именно проявление Абсолюта в творчестве Розанова притягивало отца Павла. Сам П.А. Флоренский писал: «наше сходство глубочайшее, и наше расхождение, тоже глубочайшее. Наше сходство: это острая, до боли, любовь к конкретному, к сочному и, скажу определенно, к корню – к корню личности, истории, бытия, знания. Отсюда органическая же нелюбовь ко всему, что бескоренно, что корни подьедает, что хочет расти не на корне, а «само по себе». Но тут-то и расхождение. Вы говорите всё, что блеснет в душе: а я не хочу чувствовать себя дома нигде, кроме родной, тёмной колыбели-могилы в родимой земле, и свою боль, и свою радость, в наибольших их точках, скажу лишь Матери земле» [4]. Осознавая различие, вместе с тем П.А. Флоренский продолжал не просто поддерживать переписку с В.В. Розановым, а помогать, поддерживать, советовать. Большинство исследователей жизни и творчества П.А. в этом видят его особое отношение к дружбе. П.А. Флоренский ставил дружбу в один ряд с главными христианскими добродетелями. «друг — верный товарищ, верный до конца и во всем ... Открывающееся в сознании друзей их мистическое единство проникает собою все стороны жизни их, озолачивает и каждодневное ... Дружба — не только психологична и этична, но прежде всего онтологична и мистична. Так на нее смотрели во все времена все углубленные созерцатели жизни. Что же есть дружба? — Созерцание Себя через Друга в Боге. Дружба — это видение себя глазами другого, но пред лицом третьего, и именно Третьего. Я, отражаясь в друге, в его Я признает свое *другое Я*» [12].

Но есть что-то ускользающее от пристального взгляда знатоков жизни и творчества отца Павла. Можно попробовать на эти отношения посмотреть иначе. Идеи, да и вся жизнь В.В. Розанова могла быть для отца Павла «великим искусом». Возможно не умение до конца преодолеть этот «искус» и привело к негативной оценке всей деятельности В.В. Розанова.

В августе 1918 года Флоренский написал письмо, которое многие исследователи использовали как показатель неискренности отца Павла к своему другу. Хотя на это письмо можно посмотреть иначе. Принять «Иное» очень трудно и иногда это прорывается в эмоциональных взрывах. Во многом такой эмоциональный взрыв мы и встречаем в этом письме, в котором он дает достаточно точную и емкую оценку В.В. Розанову. «Это стихия хаоса, мятущаяся, вечной мятущаяся, не признающей никакой себе грани, — хаоса не понимающего и не умеющего понять своей конечности, своей условности, своей жалкости вне Бога. В.В. надо глотать целиком — если можете и хотите, и отбрасывать целиком, если не умеете и не желаете проглотить. Например, — пишет Флоренский, — если бы его приютил какой-либо монастырь, давал ему вволю махорки, сливок, сахару, и пр. и пр., и главное, щедро топил бы печи, то, я уверяю, В.В. с детской наивностью стал бы восхвалять не этот монастырь, а по свойственной ему необузданности обобщений, чисто детских индукций *ab omnibus ad omnia*, — все монастыри вообще, их доброту, их человечность, христианский аскетизм и т.д. Но вот приехал В.В. в Посад. Его монастырь даже не заметил, — конечно, — в Посаде выпали на долю В.В. все те бедствия, которые в гораздо большей степени в это же время выпали бы в СПб., в Москве и всюду. Наголодавшись и наголодавшись, не умея распоряжаться ни деньгами, ни провизией, ни временем, этот зверек-хорек, что ли, или куничка, или ласка, душащая кур, но мнящая себя львом и тигром, все бедствия свои отнес к вине Лавры, Церкви, христианства и т. д., включительно до И.Х. Почва была подготовлена: семейные истории В.В., уже давно намозолившие ему шею, подготовили его бешенство против консистории, Церкви, Христа» [12]. В этой оценке мы можем увидеть одну очень интересную мысль, что если бы В.В. Розанову был бы оказан иной прием, то он воспел бы такой гимн христианству, который был бы более важен для христианства, чем все проповеди вместе взятые. Возможно в той оценке отец Павел, сам не желая того, выразил свое восхищение творческими порывами В.В. Розанова.

Возможно именно борьба с «искусом» заставляла отца Павла до смерти В.В. Розанова вести с ним беседы, обсуждать проблемы. Причем таким образом, что В.В. не почувствовал негативного отношения к себе и своим представлениям. «С отцом Павлом Флоренским мы самые близкие друзья. Он приходит почти каждый день ко мне, и мы вместе льем слезы о нашей несчастной России, так ужасно заблудившейся и блуждающей... Не воображайте, что он занят лишь церковным вопросом или одной церковной стороной революции. Скорбь его о России так же велика, как и моя. Это Паскаль нашего времени, Паскаль нашей России, который есть в сущности НЕгласный Вождь Всего московского славянофильства, и под воздействием которого находятся множество Умов и Сердец в Москве и в Посаде, да и в Петербурге. Кроме колоссального образования и начитанности горит самым высоким энтузиазмом к истине. Знаете, — мне порой кажется, что он Святой: до того необыкновенен его дух, до того исключителен. Я думаю и Уверен

в тайне души, – он неизмеримо еще выше Паскаля, в сущности – в уровень греческого Платона с совершенными необыкновенностями в умственных открытиях, в умственных комбинациях или прозрениях» [7].

Некоторые исследователи увидели в этом еще одно доказательство двуличия отца Павла. На мой взгляд – это показатель борьбы именно с «искусом». Причем отец Павел с точки зрения православия вышел победителем в этой борьбе.

Мы можем только строить предположения. Истину, возможно, знали только двое.

Заключение

Интерес к творчеству двух таких оригинальных мыслителей будет возрастать. Во взглядах В.В. Розанова и П.А. Флоренского можно найти множество «точек пересечения» с современным противоречивым временем. Поэтому их труды, их письма будут перечитывать, анализировать, пытаться поймать «ускользающую» нить чего-то недосказанного, таинственного, что так привлекает человека.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев — М.: Книга, 1991. — 446 с.
2. Василий Розанов: pro et contra. В 2 томах. — М.: Издательство РХГА, 1995. — Т. 1. — 512 с.; Т. 2. — 576 с.
3. Мережковский Д.С. О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы / Д.С. Мережковский // Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. — СПб.: Наука, 2007. — 902 с.
4. Письмо свящ. Павла Флоренского В.В. Розанову. — URL: http://www.saint-elisabeth.ru/gallery/texts/letter_florensky (дата обращения 02.12.2022).
5. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени / В.В. Розанов. — СПб: Азбука, 2001. — 416 с.
6. Розанов В.В. Литературные и политические афоризмы (ответ К. Чуковскому и П.Б. Струве) / В.В. Розанов. — СПб.: Лань, 2013. — 8 с.
7. Розанов В.В. Собрание сочинений. В нашей смуте. Письма / В.В. Розанов. — М., 2004. — 700 с.
8. Розанов В.В. Мимолетное / В.В. Розанов. — М.: Республика, 1994. — Т. 2. — 542 с.
9. Розанов В.В. Собрание сочинений под общей редакцией А.Н. Николюкина / В.В. Розанов. — М.; СПб.: Республика: Росток, 2008.
10. Флоренский П.А. Мнимость в геометрии / П.А. Флоренский — М.: Лазурь, 1991. — 96 с.
11. Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма / П.А. Флоренский. — Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1909. — 32 с.
12. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. — М.: Правда, 1990. — Т. 1. — 352 с.
13. Янышев И.Л. Православно-христианское учение о нравственности / И.Л. Янышев. — М.: Унив. тип., 1887. — 332 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Berdyayev N.A. Samopoznanie (Opyt filosofskoj avtobiografii) [Self-knowledge (The experience of philosophical autobiography)] / N.A. Berdyayev — M.: Kniga, 1991. — 446 p. [in Russian]
2. Vasilij Rozanov: pro et contra. V 2 tomah [Vasily Rozanov: pro et contra. In 2 volumes]. — M.: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 1995. — Vol. 1. — 512 p.; Vol. 2. — 576 p. [in Russian]
3. Merezkovskij D.S. O prichinah upadka i novyh techenijah sovremennoj russkoj literatury [About the causes of decline and new trends in modern Russian literature] / D.S. Merezkovskij // Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury [Eternal companions. Portraits from world literature]. — SPb.: Nauka, 2007. — 902 p. [in Russian]
4. Pis'mo svjashh. Pavla Florenskogo V.V. Rozanovu [The letter is sacred. Pavel Florensky V.V. Rozanov]. — URL: http://www.saint-elisabeth.ru/gallery/texts/letter_florensky (accessed 02.12.2022). [in Russian]
5. Rozanov V.V. Apokalipsis nashego vremeni [The Apocalypse of our time] / V.V. Rozanov. — SPb: Azbuka, 2001. — 416 p. [in Russian]
6. Rozanov V.V. Literaturnye i politicheskie aforizmy (otvet K. Chukovskomu i P.B. Struve) [Literary and political aphorisms (reply to K. Chukovsky and P.B. Struve)] / V.V. Rozanov. — SPb.: Lan', 2013. — 8 p. [in Russian]
7. Rozanov V.V. Sbranie sochinenij. V nashej smute. Pis'ma [Collected works. In our turmoil. Letters] / V.V. Rozanov. — M., 2004. — 700 p. [in Russian]
8. Rozanov V.V. Mimoletnoe [Fleeting] / V.V. Rozanov. — M.: Respublika, 1994. — Vol. 2. — 542 p. [in Russian]
9. Rozanov V.V. Sbranie sochinenij pod obshhej redakciej A.N. Nikoljukina [Collected works under the general editorship of A.N. Nikoljukina] / V.V. Rozanov. — M.; SPb.: Respublika: Rostok, 2008. [in Russian]
10. Florenskij P.A. Mnimost' v geometrii [Imaginary in geometry] / P.A. Florenskij — M.: Lazu', 1991. — 96 p. [in Russian]

11. Florenskij P.A. Obshhechelovecheskie korni idealizma [Universal roots of idealism] / P.A. Florenskij. — Sergiev Posad: type. St. Sergius Lavra, 1909. — 32 p. [in Russian]
12. Florenskij P.A. Stolp i utverzhdienie istiny [The pillar and the assertion of truth] / P.A. Florenskij. — M.: Pravda, 1990. — Vol. 1. — 352 p. [in Russian]
13. Janyshev I.L. Pravoslavno-hristianskoe uchenie o npravstvennosti [Orthodox Christian doctrine of morality] / I.L. Janyshev. — M.: Univ. type., 1887. — 332 p. [in Russian]